

социативно, внешне немотивированно сцепляются и разрываются, определяя интонационный рисунок и передавая динамику душевных процессов лирического «я». Так, в стихотворении «Весенний романс» происходит последовательная смена образов: весенняя река, растопившая лед; облака, «допитые солнцем»; возлюбленная, которая не полюбить уже не может. Ассоциативная связь в цепочке метафорических образов основана на общности интонационной схемы и на системе синтаксических повторов и анафор, задающих музыкальную логику композиции:

Еще не царствует река,
Но синий лед она уж топит;
Еще не тают облака,
Но снежный кубок солнцем допит.
Еще не любишь ты, но верь:
Не полюбить уже не можешь... [1, с. 134].

Постоянная изменчивость картины мира, сложная система опосредования автора, активизация внесубъектных форм выражения авторского сознания (музыкальная интонация, стилистические фигуры) – все это создает диалог внутри сознания («Для чего, когда сны изменили...», «Среди миров») или диалог чужих сознаний («Весенний романс», «Осенний романс»).

Список литературы

1. Анненский И. Избранное / И. Анненский. – М., 1989.
2. Гудошников Я. И. Очерки истории русской литературной песни XVIII – XIX вв. / Я. И. Гудошников. – Воронеж, 1972.
3. Гуковский Г. А. Начало русского сентиментализма / Г. А. Гуковский // Русская литература XVIII века. – Л., 1939.
4. Хохулина А. Н. Лингвопоэтика И. Анненского (динамический аспект описания) : дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Хохулина. – СПб., 1997.
5. Черняева Н. В. Жанровое своеобразие «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского / Н. В. Черняева // Русская поэзия 18–19 вв.: Жанровые особенности. Мотивы. Образы. Язык : межвуз. сб. тр. – Куйбышев, 1986.

ЖАНРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСЛАНИЯ В ОДНОИМЕННЫХ ЦИКЛАХ «ЛИРА И ОСЬ» В. БРЮСОВА И ВЯЧ. ИВАНОВА

А.А. Боровская

В статье рассматривается полемическая переписка как экстралитературный фактор расширения жанровых конвенций послания в литературе русского символизма на примере одноименных циклов «Лиры и ось» В. Брюсова и Вяч. Иванова.

In article polemic correspondence as extraliterature factor of expansion of genre conventions of the message in the literature of Russian symbolism on an example of the cycles with the same name "Lyre and an axis" V. Bryusov and V. Ivanov.

Ключевые слова: жанр, трансформация, диалог, послание, модернизм, цикл, символизм.

Key words: genre, transformation, dialogue, the message, modernism, cycle, symbolism.

В конце XIX – начале XX в. намечается тенденция к формированию циклов посланий (что особенно актуально для жанровой системы символизма), адресатами которых часто выступали поэты-современники («Послания» А. Блока, «Послания и оды», «Послания» В. Брюсова, «В. Брюсову» А. Белого, «Современникам», «А. Блоку» Вяч. Иванова). В циклических образованиях, объединенных жанровыми обозначениями, на первый план выступает циклообразующая функция жанровых номинаций или жанровых установок. Сам факт циклизации свидетельствует о продуктивности жанра, а полный смысл каждого из посланий раскрывается в контексте всего цикла.

Л.Г. Кихней, исследуя поэтику посланий поэтов-символистов, предлагает типологию, основанную на акцентировании различных компонентов триады: адресант – диалог – адресат: «Первый тип предполагает монологическое раскрытие авторского "я" <...> При втором типе отношений главный акцент делается на образном раскрытии адресата <...> Третий основан на диалогическом контакте автора и адресата...» [3, с. 73]. Подобный подход представляется слишком обобщенным, не учитывающим весь спектр изменений, произошедших с жанрами адресованной лирики. В то же время позиция исследователя вызывает определенный интерес с точки зрения проблемы классификации жанровых разновидностей послания. Вместе с этим вызывают сомнения попытки жанровой идентификации некоторых поэтических текстов, в частности, спорным является отнесение к жанру послания стихотворения С. Городецкого «Анне Ахматовой» и О. Мандельштама «Анна Ахматова», поскольку адресат в их художественной структуре играет факультативную роль, более того, традиционные приемы установления «контакта» с «другим» в произведениях отсутствуют (экспрессивный синтаксис, местоимение «ты» и его аналоги, апеллятивы и императивы и др.). Целесообразно, на наш взгляд, рассматривать данные произведения в русле жанровых установок посвящения.

Послание в русской лирике конца XIX – начала XX в. расширяет диапазон жанровых конвенций за счет выдвигания в коммуникативный центр высказывания авторской концепции адресата. Фигура адресата и формы его репрезентации в тексте служат основой диалогических отношений в письмах и посланиях.

Экстралитературным фактором функционирования послания в модернистской и особенно символистской среде становится, как уже отмечалось, «профессиональная», полемическая и дружеская переписка. Обмен посланиями в то же время перестает быть только контекстовым явлением, так как вопросно-ответная форма бытования жанра трансформирует и систему взаимодействий между лирическим субъектом и его корреспондентом, и саму структуру произведения.

Так, одноименные циклы «Лирическая ось» В. Брюсова и Вяч. Иванова, посвященные друг другу и опубликованные в сборнике 1914 г. «Сирин» под единым заголовком «Carmina amoebaea», приобретают характер узколитературного разговора, построенного как парафраза. Структура двух текстов ориентирована на взаимоотражение: минициклы состоят из двух пронумерованных стихотворений, начало первого представляет собой обмен репликами и создает напряженное пространство диалога.

У В. Брюсова:

Прозрев, я в лиру верую
В медлительном раздумьи... [1, с. 205].

Ср. у Вяч. Иванова:

Слепец, в тебя я верую,
О солнечная Лира... [2, с. 94].

В. Брюсов повторяет, не считая незначительных отклонений, строфическую организацию произведения Вяч. Иванова. Первая часть дилогии включает четыре восьмистишия с характерной рифмовкой **abbcaddc**:

<i>Вяч. Иванов</i>	<i>В. Брюсов</i>
Ты скована из золота,	На этой грани каменной,
И падают, как пчелы,	Блуждая без лазури,
Журчащие Пактолы	Под вопль веселой бури,
На жаркие рога...	Корабль мой сокрушен.
Удары слышу молота	Но я, с надеждой пламенной,
По наковальне Рока;	Возвал к богам единым,
Но славят свет с востока	И плещущим дельфином
Верховные снега	Спасен я, Арион!

Во второй части чередуются строфы из восьми (сдвоенные катрены с перекрестной рифмовкой) и шести строк (дистихи с парной и четверостишия с перекрестной рифмовкой).

В стихотворении «Ось» В. Брюсов перефразирует, используя прямую речь, фрагмент текста Вяч. Иванова, воссоздавая ситуацию непосредственного диалога. По мнению Л.Г. Кихней, в структуре послания В. Брюсова интересно реализован принцип цитации адресата, «слова которого введены показательной формулой: «ты» – «мне» [3, с. 91]:

Когда у нижней меты
Квадрига рухнет, хрустнет ось,
И будут сотни рук воздеты, –
Ристатель! страх напрасный брось!
Пусть мышцы сильные не дрогнут,
Скорей клинок свой вознеси!.. [1, с. 206].

В то же время автор избегает прямой цитации, обращаясь к пересказу, нередко полемическому. Приведенный отрывок, несомненно, отсылает к соответствующим строкам Вяч. Иванова, рисующего облик поэта-демиурга:

Ристатель! Коль у нижней меты
Квадриги звучной дрогнет ось,
Твои спасения обеты,
Бразды руби, и путы сбрось [2, с. 96].

Вяч. Иванов и позже не отказался от своей точки зрения на творчество поэта, которая нашла выражение в его речи на вечере поэзии Брюсова 5 марта 1916 г.: «Брюсов-лирик – фаталист в своем восприятии земной жизни и жизни загробной, в переживаниях любви и страсти, в воспоминаниях о прошлом человечества и в гаданиях о временах грядущих, в наблюдениях над

шумящую окрест современностью и монологах-признаниях о себе самом <...>. В самых соблазнительных своих призывах к дерзкой самоочинности и к переходу за все черты и грани он остается верен своему основному пафосу фаталистического детерминизма» [4].

Поэтические образы (адамантовой оси, Фазтона, лиры, колесницы, рисателя) двух метажанровых структур не просто перекликаются, но формируют общую смысловую цепочку, расшифровать которую можно, лишь соединив оба цикла. Каждый из авторов обращается к античной мифологии, однако если В. Брюсов усматривает в ней «воплощение» неопределенного, которое нужно «вылепить в образах», то Вяч. Иванов наполняет античную символику религиозно-мистическим содержанием, выстраивая особые отношения между «небом» и «землею», которые соединяет «ось», являясь символом единства божественного мира. Стихийному диониссийскому началу демиургической концепции искусства В. Брюсова противопоставляются поиски абсолюта, «невыразимого», «несказанного» Вяч. Иванова. Такая форма сверхтекстового диалога не только расширяет представления о функции послания, но и обуславливает трансформацию самой жанровой структуры, подчиненной воспроизведению «хоровой» идеологии.

Специфика этих посланий инспирируется особенностями литературно-бытового контекста, в котором они функционируют. Отсюда – эзотеричность содержания, продуцированная панэстетическими и жизнотворческими основами символистского мировоззрения, корреляция бытовой и художественной моделей приводит к тому, что повседневная жизнь поэта приобретает культурные коннотации и может быть интерпретирована с помощью определенного литературно-мифологического кода. Послания В. Брюсова и Вяч. Иванова рассчитаны на восприятие максимально узкого круга тех, кто мог включиться в полемику двух лириков. В этом споре о сущности искусства отразилось размежевание внутри символизма и, прежде всего, дистанция между двумя поколениями символистов.

Список литературы

1. Брюсов В. Я. Собрание сочинений : в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М., 1973. – Т. 2.
2. Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. Трагедия / Вяч. Иванов. – СПб., 1995.
3. Кихней Л. Г. Из истории жанров русской лирики. Стихотворное послание начала XX века / Л. Г. Кихней. – Владивосток, 1989.
4. Утро России. – 1916. – № 77.

ПРОСТРАНСТВО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА В РОМАНЕ М. АРЦЫБАШЕВА «САНИН»

А.Н. Долгенко

Статья посвящена выявлению специфики художественной организации пространства провинциального города в романе М. Арцыбашева «Санин». Определяются особенности изображения основных сегментов пространства и их участие в выражении художественного смысла в произведении.

The present article is devoted to specificity exposing of artistic components of the province space in the Artsybashev's novel "Sanin". The key question is determining peculiarities of main segments of the province space representations and their taking part in the expression of special artistic sense of the novel.